

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

УДК 316.624:343.9-051-055.7

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1073-1091>

Ф. П. АБДЕРХАЛЬДЕН¹,

С. З. ЭВАНС²

¹ Университет Центральной Флориды, США

² Университет Западной Флориды, США

ВЛИЯНИЕ СИБЛИНГОВ НА ЧАСТОТУ АРЕСТОВ И ТИПЫ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ПРИВЫЧНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ*

Контактное лицо:

Фрэнсис П. Абдерхальден, докторант, Университет Центральной Флориды

Адрес: Department of Criminal Justice, College of Health and Public Affairs, University of Central Florida, 12805 Pegasus Drive, Building 80, Suite 311, Orlando, FL, 32816-1600, USA
E-mail: francesabderhalden@knights.ucf.edu

Сара З. Эванс, ассистент преподавателя кафедры криминологии и уголовного правосудия, Университет Западной Флориды

Адрес: 11000 University Pkwy Pensacola, FL 32514

Цель: определение влияния сиблингов на частоту арестов и типы правонарушений среди привычных преступников.

Методы: общенаучный метод диалектического познания, историко-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический и другие частнонаучные методы познания.

Результаты: сиблинги (родные братья и сестры) начинают взаимодействовать друг с другом в раннем возрасте и часто продолжают общаться на постоянной основе в течение всей жизни. В связи с этим малоизученным остается вопрос: как взаимоотношения сиблингов влияют на развитие криминального поведения вне зависимости от влияния родителей. В настоящей работе на основе данных отдела ювальной юстиции штата Калифорния изучалось влияние сиблингов на количество арестов и типы преступлений привычных преступников. Сделан общий вывод о наличии такого влияния; найдены несколько значимых закономерностей, в частности: 1) количество арестов сиблингов преступника положительно коррелирует с общим числом его арестов и 2) количество сиблингов у преступника имеет сильную отрицательную корреляцию с общим числом его арестов. В статье рассматриваются результаты изучения влияния сиблингов на рецидивизм и возможные направления будущих исследований в этой области.

Научная новизна: в статье впервые изучается влияние сиблингов на частоту арестов и типы правонарушений среди привычных преступников. В результате этого инициируется дискуссия о необходимости рассмотрения взаимоотношений сиблингов как важнейшего фактора в жизни привычного преступника. Предметом изучения являются взаимоотношения сиблингов как причина возникновения паттернов криминального поведения в семье, в частности, среди сиблингов.

* Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* и *The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (CCJLS) и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Abderhalden F. P., Evans S. Z. An Examination of Sibling Impact on Frequency and Type of Arrest Among Chronic Offenders, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2018, Vol. 19, No. 1, pp. 27–45.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/3444-an-examination-of-sibling-impact-on-frequency-and-type-of-arrest-among-chronic-offenders>

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с определением влияния сиблингов на частоту арестов и типы правонарушений среди привычных преступников.

Ключевые слова: привычные преступники; сиблинги; теория обучения; криминализация семьи; преступность; преступление; правонарушение; арест; частота арестов; девиантное поведение

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Абдерхальден Ф. П., Эванс С. З. Влияние сиблингов на частоту арестов и типы правонарушений среди привычных преступников // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 1. С. 1073–1091. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1073-1091>

F. P. ABDERHALDEN¹,

S. Z. EVANS²

¹ University of Central Florida, USA

² University of West Florida, USA

AN EXAMINATION OF SIBLING IMPACT ON FREQUENCY AND TYPE OF ARREST AMONG CHRONIC OFFENDERS*

Contact:

Frances P. Abderhalden, a doctoral student, University of Central Florida

Address: Florida, 12805 Pegasus Drive, Building 80, Suite 311, Orlando, FL, 32816-1600, USA

E-mail: francesabderhalden@knights.ucf.edu

Sara Z. Evans, Assistant Professor in the Department of Criminology & Criminal Justice, University of West Florida

Address: 11000 University Pkwy Pensacola, FL 32514

Objective: to determine the influence of siblings on the frequency of arrests and types of offense among chronic offenders.

Methods: general scientific method of dialectical cognition, historical-legal, system-structural, comparative-legal, formal-logical and other specific scientific methods of cognition.

Results: Siblings begin interacting with each other in early childhood and often continue to interact on a consistent basis throughout the life-course. Little research has been done on how these sibling relationships impact the development of criminal behaviors separate from parents' influence and direction. Using the California Youth Authority data, this study explores the impact of siblings on chronic offenders' number of arrests and offense type. Overall, the main findings support that siblings do matter in offending behaviors. A few significant relationships were found regarding siblings and chronic offenders, including: 1) greater numbers of sibling arrests are associated with significantly more arrests for the offender, and 2) the number of siblings an offender has results in a significantly lower rate of total arrests for the offender. The results of this study, their implications for future research on sibling relationships and criminality, and the impact on recidivism are discussed.

Scientific novelty: the article for the first time studies the influence of siblings on the frequency of arrests and types of offense among chronic offenders. That initiates the discussion on the necessity to view interrelations between siblings as an essential factor in the life of a chronic offender. The study object is interrelations between siblings as the reason for developing patterns of criminal behavior in a family, in particular, among siblings.

* The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Abderhalden F. P., Evans S. Z. An Examination of Sibling Impact on Frequency and Type of Arrest Among Chronic Offenders, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2018, Vol. 19, No. 1, pp. 27–45.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/3444-an-examination-of-sibling-impact-on-frequency-and-type-of-arrest-among-chronic-offenders>

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities while consideration the issues related to determining the influence of siblings on the frequency of arrests and types of offense among chronic offenders.

Keywords: Chronic offenders; Siblings; Learning theory; Family criminalization; Crime; Criminal offense; Type of offense; Arrest; Frequency of arrests; Deviant behavior

For citation of Russian version: Abderhalden F. P., Evans S. Z. An Examination of Sibling Impact on Frequency and Type of Arrest Among Chronic Offenders, *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, vol. 13, No. 1, pp. 1073–1091. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1073-1091>

Согласно многим исследованиям, ситуация в семье оказывает значительное влияние на склонность к совершению преступлений [1–4]. Большое количество работ посвящено влиянию родителей на криминальное поведение их детей, однако влияние сиблингов¹ изучено гораздо меньше. Иногда сиблингов включают в исследования влияния преступного поведения родителей на детей в качестве контрольной переменной [2]. Семейная ситуация изучалась с различных точек зрения, в основном в отношении родителей и опекунов, и лишь немногие работы специально посвящены влиянию сиблингов друг на друга и на их криминальное поведение. Также не изучалось и то, как поведение сиблингов влияет на количество арестов [5, 6]. Изучение влияния сиблингов помогает понять развитие криминального поведения в целом. С теоретической точки зрения очень важно учитывать взаимодействие с сиблингами при исследованиях как криминального поведения, так и всего течения жизни, поскольку они обычно являются постоянно действующим фактором начиная с детства и во взрослой жизни, в отличие от многих меняющихся контактов с окружением. Настоящая работа является первым опытом исследования влияния сиблингов на привычных преступников; рассматриваются также возможные теоретические следствия и направления дальнейших исследований.

¹ Сиблинги (от англ. *siblings*) – термин, используемый в этнологии, социальной антропологии и других науках, который обозначает детей одних родителей (родственников второй степени родства).

Обзор литературы

Семейная ситуация и преступность

На криминальное поведение индивида может влиять криминализация семьи, особенности воспитания в ней и окружение, в котором проживает семья [7–9]. Ранее было показано, что факторами, повышающими вероятность криминального поведения начиная от подросткового возраста и во взрослой жизни, являются: преступность родителей [8, 10–14], неполная семья [7, 11, 15, 16], физические наказания [12, 17, 18], грубое обращение в семье [7–9, 12, 15, 17–19]. Согласно этим исследованиям, процессы, происходящие внутри семьи, являются значимым индикатором криминального поведения, хотя изучение концентрировалось преимущественно на родителях [2, 4]. Однако взаимоотношения в семье развиваются не только в одной плоскости между двумя родителями или между родителями и детьми; они включают также отношения между детьми вне зависимости от влияния на них родителей [20–23].

Kuja-Halkola, Pawitan, D'Onofrio, Langstrom и Lichtenstein [24] обнаружили, что такие социологические факторы, как порядок рождения и возраст родителей, влияют на девиантное поведение сиблингов и повышают вероятность высокого уровня преступности. Как сами преступники, так и их сиблинги с большей вероятностью проявляли агрессию, если, по их словам, они подвергались физическим наказаниям со стороны отца [24]. Один из самых интересных результатов исследования – это то, что влияние сиблингов является более значимым предиктором² совершения

² Предиктор (от англ. *predictor* – «предсказатель») – прогностический параметр; средство прогнозирования.

тяжких преступлений для тех, кто совершал преступления на протяжении всей жизни, чем для тех, кто вел преступную деятельность только в подростковом возрасте [24]. Sutton-Smith и Rosenberg [5] считали, что следует глубже исследовать влияние сиблингов друг на друга при условии учета родительского влияния. В противном случае результаты могут быть искажены из-за влияния родителей, на что указывали Rowe и Gulley [22]. Кроме того, изучение сиблингов может послужить развитию теорий обучения и жизненного курса. В теории обучения обсуждается, как сверстники с девиантным поведением перенимают образцы поведения друг у друга. Добавив сиблингов в круг сверстников, мы получаем возможность расширить границы применения данной теории, а также создать другую классификацию групп с девиантным поведением. В дальнейшем необходимо глубже изучить влияние сиблингов друг на друга, так как их взаимодействие принадлежит к редкому типу социальных взаимодействий – полупостоянному. Однако их влияние может оказывать долгосрочный эффект на криминальное поведение. Глубже поняв это влияние, можно сделать профилактическую работу более целенаправленной и, возможно, более результативной в раннем возрасте.

Anderson-Bond [25] считает, что сиблинги влияют на поведение привычных преступников через взаимное поощрение. Социальные связи между сиблингами являются результатом взаимодействий с социальным окружением, переживаемых сиблингами совместно [26, 27]. Дети часто взаимодействуют между собой вне сферы влияния родителей, а значит, имеют много возможностей учиться друг у друга и оказывать влияние независимо от того, что они перенимают у своих опекунов [22]. Например, в исследовании Van de Rakt с соавторами было показано, что риск быть осужденными больше у тех детей, у которых есть осужденные сиблинги. При этом у мальчиков риск стать преступниками и быть осужденными был выше, чем у девочек [6]. Kendler с соавторами [28] выяснили, что сиблинги, выросшие в одной семье, проявляли большее сходство в своем криминальном поведении, чем выросшие в разных семьях. Это доказывает, что общее окружение является значимым фактором, а для сиблингов общее окружение является более значимым фактором влияния, чем для других пар сверстников. Аналогично Garcia, Shaw, Winslow и Yaggi [29] показали, что конфликтное и девиантное

поведение сиблингов связано с отвержением со стороны родителей; однако в их исследовании выборка состояла из маленьких мальчиков, и они не продолжали наблюдения за ними в подростковом или взрослом возрасте. Duncan с соавторами также изучали влияние подростковой преступности сиблингов на соседских детей. Они обнаружили значимые корреляции между поведением и проявлениями ранней преступности сиблингов вне зависимости от поведения соседских детей [26].

Мораль и ценности – это некоторые из психологических качеств, которым сиблинги учатся друг у друга [4]. Еще один компонент взаимоотношений сиблингов и криминального поведения связан с психологическим влиянием отношений в семье. Братья и сестры перенимают друг у друга образцы поведения и установки в процессе взаимодействия друг с другом, а также реагируют на сознательном и подсознательном уровнях, включая импульсивное и контролируемое поведение [27]. Rowe и Farrington показали, что характеристики преступного поведения были более сходны в однополых парах сиблингов, чем в разнополых. В том же исследовании было выявлено, что на мораль и ценности сиблингов оказывают влияние такие факторы, как плохой родительский уход, жесткая дисциплина и размер семьи [4]. Patterson считает, что отношения сиблингов являются ключевыми в развитии антиобщественного поведения [30]. В исследовании Slomkowski с соавторами были подтверждены идеи Bank, Patterson и Reid [31] и Patterson [30] о том, что взаимоотношения сиблингов могут служить толчком для «развития, поддержания и эскалации антиобщественного поведения, включая преступное» [23, p. 273].

Многие исследователи подчеркивают важность связей между наличием сиблингов и преступностью, однако взаимоотношения сиблингов и их непосредственное влияние на преступное поведение до сих пор не были изучены [6, 20–23]. Теоретически такая связь существует, но в эмпирических исследованиях влияние сиблингов смешивается с влиянием родителей в составе переменных, обозначаемых как семья [6]. Например, Criss и Shaw показали, что поведение сиблингов служит предиктором преступной деятельности их обоих, однако контрольным фактором в этом исследовании была «привязанность ребенка к матери», т. е. семья фигурировала как первостепенный

фактор [32]. McNale с соавторами не проводили эмпирических исследований влияния сиблингов на преступное поведение, но обозначили соответствующие теоретические положения. По их мнению, отношения сиблингов являются многомерными и непрерывно развивающимися, а значит, они подвержены любым социокультурным влияниям [27, р. 13].

Факторы риска совершения преступных действий

В литературе есть работы, посвященные влиянию сиблингов и родителей на поведение в целом, однако влияние сиблингов на совершение преступлений и рецидивизм изучено недостаточно. Факторы риска совершения преступных действий включают в себя целый ряд показателей, позволяющих предсказать вероятность преступной деятельности; среди них часто фигурируют факторы семьи, сверстников, окружения и свойств личности в той или иной форме [33–36]. Факторы риска совершения преступных действий важно изучать по многим причинам, включая поиск предикторов преступной деятельности, причин рецидивизма, путей снижения уровня преступности, эффективных способов реабилитации осужденных после отбытия наказания [37]. Учитывая, что главной зависимой переменной в данной работе является частота совершения преступлений, ниже приводятся основные факторы прогнозирования преступности, которые были признаны значимыми в более ранних исследованиях.

Исследования факторов риска совершения преступных действий и рецидивизма показывают, что таких факторов множество. Среди наиболее изученных – влияние семьи [33, 34], влияние окружения [35, 36], расовая принадлежность [38–43], пол [38–41, 43, 44], возраст [40, 41, 43, 45], тип преступления [39–41, 43, 44, 46–49], предыдущие аресты [38, 40, 41, 43, 44, 46, 48, 50, 51].

По определению, привычные преступники – это те, кто продолжают совершать повторные преступления в течение значительного периода своей жизни. Работы по проблемам рецидивизма также важны для настоящего исследования. В таких работах было показано, что риск рецидивизма наиболее высок для чернокожих [38, 41–43, 45, 47, 51]. Среди них около 75 % осужденных, выпущенных из мест заключения в 2005 г., совершили повторное преступление в те-

чение следующих трех лет [40]. Высокий уровень рецидивизма среди чернокожих часто объясняют их более низким социально-экономическим статусом, к которому они вынуждены вернуться после освобождения; результатом становится отсутствие работы и наличие возможности вновь совершить преступление [42]. Представители национальных меньшинств в большей степени страдают от дискриминации, предвзятости при вынесении приговора и несправедливого отношения по признаку возраста, пола и расовой принадлежности [52–56]. Кроме того, как показывают исследования в области вынесения приговоров и судебной практики, влияние оказывает и принадлежность к тому или иному социально-экономическому классу – представители низшего класса подвергаются более серьезным наказаниям, чем представители среднего или высшего классов [56].

Как и расовая принадлежность, пол часто выступает фактором при изучении рецидивизма; у мужчин риск рецидивизма значительно выше, чем у женщин [40, 43]. После выхода из мест заключения женщины реже подвергаются арестам и совершают повторные правонарушения [40]. У женщин сильнее развиты привязанности и социальные связи, после тюрьмы они чаще возвращаются к детям и родителям, оказывающим им поддержку [45]. Среди молодых преступников риск рецидивизма максимален в течение первых трех лет после освобождения; риск наиболее велик для преступников младше 24 лет [40, 43]. Группа самого высокого риска рецидивизма – молодые чернокожие мужчины [56].

Риск рецидивизма также находится в зависимости от предыдущих арестов, которые не заканчивались вынесением приговора или тюремным заключением [40, 43–45, 50, 51, 57–60]. Чем больше период времени от последнего ареста или совершения преступления, тем меньше вероятность рецидивизма [50]. Например, лица, осужденные в прошлом, но не совершавшие преступлений в течение семи лет, имеют более низкую вероятность рецидивизма, чем преступники с более коротким периодом между арестами [50, 57–59].

Наконец, занятость или ее отсутствие служит значимым предиктором вероятности рецидивизма после отбытия наказания [45, 50, 60–63]. Согласно результатам Holzer с соавторами, работодатели часто изучают криминальное прошлое кандидатов и проявляют дискриминацию в отношении бывших

осужденных. Такая дискриминация также в большей степени затрагивает чернокожих мужчин, еще сильнее увеличивая риск рецидивизма в этой группе, которая и без того находится в невыгодном положении [62]. Steurer и Smith [60] выяснили, что осужденные, прошедшие в местах лишения свободы курсы подготовки к трудоустройству, имеют больше шансов получить работу и меньше склонны к рецидивизму. Отсутствие работы неразрывно связано с бедностью, что также повышает вероятность поселиться в районах, требующих криминального поведения, что, в свою очередь, повышает риск рецидивизма [42, 45].

Привычные преступники

Настоящее исследование посвящено привычной преступности. Привычные преступники и рецидивисты тесно связаны между собой, так как и те и другие совершают повторные преступления в течение некоторого времени. Однако между ними есть существенные отличия. Все привычные преступники совершают повторные преступления, но не все рецидивисты являются привычными преступниками. В работе Wolfgang [64] были предложены некоторые подходы к разграничению между этими категориями. Wolfgang предлагал классифицировать преступников на однократных, рецидивирующих и привычных по количеству совершенных преступлений: одного, от двух до четырех и более пяти преступлений. В настоящей работе мы используем эту классификацию. Привычные преступники определяются как совершившие ряд преступлений на протяжении своей жизни и в течение более длительного периода времени, чем остальные категории преступников [65]. В работе DeLisi было показано, что привычные преступники наиболее последовательны в повторении негативных образцов поведения, начиная с детства, т. е. у них заложены образцы криминального, девиантного и проблемного поведения. Они совершают противоправные поступки в течение всей жизни, часто начиная с незначительных нарушений; в дальнейшем их девиантное поведение прогрессирует, но они в основном воздерживаются от тяжких преступлений, таких как убийство или изнасилование [45, 65].

Общая черта привычных преступников – совершение ими множества преступлений в течение всей жизни. Этот период оказывается значительно длиннее того трех-пятилетнего периода, который рассматрива-

ется при прогнозировании рецидивизма. Кроме того, для таких преступников повышается вероятность совершения новых преступлений [66]. По мнению Uggen [45], риск рецидивизма для привычных преступников максимален, поскольку они полагаются на преступные методы для обеспечения своей жизнедеятельности на свободе. В исследовании DeLisi [65] подчеркивалось, что лица, совершившие хотя бы одно преступление в сфере наркотиков до своего 16-летия, имели наибольшую вероятность стать привычными преступниками. Для этой категории была также наиболее высока вероятность совершения тяжких преступлений [67].

Теоретические основы исследования

В настоящей работе исследуется вопрос, может ли поведение сиблингов служить предиктором привычной преступности и каковы механизмы возможной связи между этими явлениями. Авторы не проводят полной проверки теории по данному вопросу, но лишь используют подходы теории обучения и теории жизненного курса для изучения влияния сиблингов на поведение друг друга. Предпринята попытка активизировать изучение взаимоотношений сиблингов и их влияние на криминальное поведение и в конечном итоге на пути возникновения преступности. В решении задач исследования применяются два теоретических подхода: теория обучения и теория жизненного курса.

Теория обучения фокусируется на процессе освоения криминального поведения и криминальной деятельности. По мнению исследователей, индивидуум воспринимает любые виды поведения (криминальные и обычные) через взаимодействие со сверстниками, учителями и членами семьи [37]. Специалисты по теории обучения утверждают, что близкие друзья и члены семьи оказывают наибольшее влияние на выбор образцов криминального поведения. Отношения с правонарушителем мотивируют на повторение девиантного поведения и нарушения закона [37]. В зависимости от того, с кого индивидуум берет пример (члены семьи, друзья, сверстники, учителя), усвоенные образцы могут стать основой для негативного криминального поведения в подростковом возрасте [68].

Сиблинги перенимают друг у друга образцы поведения, в том числе девиантного, через подражание и эмоциональную привязанность [69]. Воспринимая

образцы поведения и качества личности, сиблинги повторяют как поведение, так и установки друг друга. Подражание – один из древнейших социальных механизмов обучения, основанный на стремлении к принятию и одобрению; оно быстро приобретает черты привычки [70]. Подражание является первой ступенью обучения, затем подкрепляясь обратной связью (как положительной, так и отрицательной) и становясь привычкой. Применение теории обучения к проблеме криминального поведения сиблингов служит важным методологическим принципом, поскольку позволяет отделить влияние родителей от влияния сиблингов. Таким образом, в отличие от прежних исследований, где рассматривалось влияние семьи в целом, мы можем определить, когда и как происходит непосредственное влияние сиблингов на поведение друг друга и почему некоторые сиблинги больше склонны к криминальному поведению, чем другие.

В теории жизненного курса постулируется, что криминальное поведение закладывается в раннем детстве [71]. Всплеск криминального поведения часто происходит между 17 и 18 годами, а затем снижается; это заставляет ученых предполагать, что существует причина резкого изменения поведения в этом возрасте [72]. Согласно теории жизненного курса, изменения в поведении происходят под влиянием жизненных событий. Индивидуум может отказаться от преступной деятельности, если его жизненный курс поменялся и события идут вразрез с криминальными стремлениями. По мнению Sampson и Laub [73], это происходит, когда жизненные события заставляют преступника почувствовать более сильную связь с общественными нормами и вследствие этого сознательно воздержаться от совершения преступления. Эти жизненные события описываются как «поворотные пункты»; наиболее значимыми из них будут те, которые несут в себе ценностные установки и/или поощряют соблюдение общественных норм. Sampson и Laub считали, что жизненные события создают социальные связи, изменяющие жизненный курс и заставляющие отказаться от прошлой преступной деятельности; такими событиями могут выступать социально ориентированный брак, поступление на работу или на военную службу [73].

Теория жизненного курса объясняет, почему преступники меняют свою траекторию от преступной деятельности к законопослушному поведению. Си-

блинги имеют, вероятно, схожие траектории поведения по причине как непрерывного взаимодействия друг с другом, так и воспринятых ими в течение всей жизни семейных норм [74]. Жизненные курсы сиблингов переплетены и взаимосвязаны начиная с детства и отрочества и далее во взрослой жизни [75]. Однако поворотные пункты обычно у каждого свои. Pezzin предположил, что жизненные курсы сиблингов могут резко измениться, когда один из них переживает свой поворотный пункт; это провоцирует изменение в их взаимодействии друг с другом, что, в свою очередь, может вызвать изменения в траектории жизни каждого из них [75].

По мнению Patterson [30], сиблинги – это основная причина усвоения антиобщественного поведения и необходимо изучать различные аспекты их влияния друг на друга. Исследование данной проблемы сквозь призму теории обучения и теории жизненного курса открывает новые перспективы и позволяет понять, как взаимоотношения сиблингов влияют на возникновение привычной преступности.

Положения настоящего исследования

Целью данного исследования является изучение влияния преступного поведения сиблингов на поведение привычных преступников. В работе используются материалы лонгитюдного исследования типов криминальной карьеры отдела по делам молодежи Калифорнии за 1965–1984 гг. Настоящее исследование опирается на теоретические положения теории обучения и теории жизненного курса [69, 76]. Авторы изучили прошлые работы по данной теме [40, 43–45, 50, 51, 57–60] и выдвинули гипотезу, что сиблинги влияют на общее количество арестов и на типы наиболее частых преступлений среди привычных преступников. Кроме того, мы предположили, что аресты сиблингов положительно коррелируют с арестами привычных преступников. Учитывая, что для привычных преступников вероятность совершения тяжких преступлений выше, мы предполагаем, что привычные преступники, имеющие сиблингов с криминальной историей, будут демонстрировать более высокую вероятность быть арестованными за тяжкие преступления [65, 77]. И наконец, была выдвинута гипотеза, что чем больше сиблингов имеет привычный преступник, тем выше будет количество его арестов, поскольку у него будет больше возмож-

ностей перенять образцы девиантного поведения [37, 68]. Итак, наши гипотезы следующие:

Н1. Привычные преступники, имеющие сиблингов с криминальной историей, будут иметь большее количество арестов, чем привычные преступники, имеющие сиблингов без криминальной истории.

Н2. Привычные преступники, имеющие сиблингов с криминальной историей, будут с более высокой вероятностью арестованы за тяжкие преступления.

Н3. Чем больше сиблингов имеет привычный преступник, тем выше будет количество его арестов.

Методология

Участники

В настоящей работе используются материалы лонгитюдного исследования типов криминальной карьеры отдела по делам молодежи Калифорнии за 1965–1984 гг. [78]. Мы изучали типы криминального поведения, проявленные в течение периода в 10–15 лет мужчинами, которые в юности находились в местах лишения свободы (по линии отдела по делам молодежи Калифорнии). Наша работа опирается на исследование «Раннее определение привычной преступности» 1978–1980 гг. и углубляет его. Мы использовали половину выборки прошлого исследования и новые данные о взрослых привычных преступниках, не имевших криминальной истории в качестве несовершеннолетних преступников. Учитывая характер настоящего исследования и переменные, взятые из более крупной выборки ($n = 1308$), мы сократили объем выборки и включили в нее данные на взрослых заключенных из Управления исправительных учреждений Калифорнии (далее – CDC). Таким образом, выборка составила 672 человека. Поскольку в нашем исследовании используются сведения о сиблингах, указанные самими преступниками при поступлении в исправительное учреждение, выборка ограничена только преступниками, указавшими эти данные³; также учитывались временные характеристики информации. Сведения были получены с публичного веб-сайта Межвузовского консорциума политических и социальных исследований (ICPSR). Поскольку

³ Полное описание данных, выборки и методологии CDC см. [78].

сведения являются вторичными и не дают возможности персональной идентификации, разрешения на использование персональных данных не требовалось. 18 человек были исключены из выборки по причине отсутствия информации по одной или нескольким переменным [79, 80]. Таким образом, окончательная выборка составила 643 человека из базы данных CDC. Материалы анализировались с использованием программного обеспечения Stata 13 [81].

Измерения

Зависимая переменная

Первая зависимая переменная в нашем исследовании – это доля арестов за тяжкие преступления в истории каждого респондента. Эта переменная была получена путем деления общего количества арестов за тяжкие преступления на общее количество арестов каждого преступника. Изначально в базе данных содержались оба эти значения [78]. Классификация арестов по степени тяжести преступления основывалась на шкале тяжких преступлений, используемой в Единой сводке преступности (UCR); это, например, такие преступления, как разбой, изнасилование и убийство. Полное описание этой переменной можно найти в работе [78]. Вторая зависимая переменная – общее количество арестов. В настоящем исследовании она используется как первичная мера уровня рецидивизма. В нашей выборке все преступники начинали свою криминальную карьеру, будучи еще несовершеннолетними, и совершали повторные преступления; таким образом, это однородная выборка привычных преступников [64].

Независимые переменные

Преступность родителей – это дихотомическая переменная, где 0 означает отсутствие криминальной истории родителей, а 1 – наличие хотя бы одного криминального эпизода у матери или отца. Криминальным эпизодом считается арест, тюремное заключение и содержание в специализированном медицинском учреждении. Последнее включено в данную переменную, поскольку сводом законов предусмотрено, что содержание в специализированном медицинском учреждении может осуществляться только по приговору как альтернатива тюремному заключению; таким образом, правонарушения, не влекущие за собой вынесения

приговора, не попадают в эту категорию [78]. Аресты сиблингов кодировались как непрерывная переменная, обозначающая количество арестов сиблинга (сиблингов), указанное респондентом. Количество сиблингов кодировалось как непрерывная переменная, обозначающая количество сиблингов, указанное респондентом. Полная семья – это переменная, обозначающая наличие полной семьи у респондента в детстве (отсутствие развода или раздельного проживания родителей): 0 – неполная семья, 1 – полная семья. Благополучие семьи – независимая переменная, указывающая, получала ли семья респондента государственные пособия в течение его детства: 0 – не получала, 1 – получала. Занятость – количество лет, когда респондент был безработным. Брак – количество лет, когда респондент состоял в браке; первоначально эта информация была представлена в месяцах, переведена в годы для удобства изложения в статье. Количество месяцев на свободе – этот показатель был переведен в вид «Количество лет в заключении» для удобства понимания и интерпретации результатов. Такая операция проводилась ранее в других работах [82]. Расовая/этническая принадлежность кодировалась как серия фиктивных переменных Чернокожий, Белый, Другое, при этом категория Белый использовалась в качестве референтной. Возраст в годах также включен как контрольная переменная; он указывался со слов респондента. Категория пола не была включена в демографические переменные, так как выборка состояла только из мужчин.

Результаты исследования

Описание данных

Данные для изученной выборки представлены в табл. 1.

Среднее количество арестов на одного респондента составило почти 24, средняя доля арестов за тяжкие преступления – около 20 %. Около 21 % респондентов сообщили, что их родители имели криминальную историю. Чуть больше половины респондентов (54,8 %) имели неполные семьи в детстве. Как видно из табл. 1, 80 % респондентов не получали в детстве пособий. У более 55 % респондентов было от 0 до 4 сиблингов. Почти у всех был хотя бы один сиблинг, и только 3,5 % не имели их. Количество сиблингов у респондентов варьировалось от нуля до 12.

Таблица 1

Описательная статистика для переменных (N = 643)

Table 1. Descriptive statistics for variables (N = 643)

Характеристики семьи / Family Characteristics	Среднее (стандартное отклонение) / Mean (SD)	Минимум / Min	Максимум / Max
Полная семья / Intact Family	45 % (0,498)	0	1
Количество сиблингов / Number of Siblings	4,5 (2,767)	0	12
Преступная деятельность отца / Father's Criminality	18 % (0,387)	0	1
Преступная деятельность матери / Mother's Criminality	5 % (0,233)	0	1
Аресты сиблингов / Sibling Arrests	0,485 (0,890)	0	6
Благополучие / Welfare	20 % (0,405)	0	1
Занятость / Years Unemployed	9,70 (3,362)	0	17,5
Брак / Years Married	2,07 (3,090)	0	14,58
Количество лет в заключении / Years Confined	9,3 (3,550)	10,5	19,25
Демографические данные / Demographics			
Возраст / Age	32,60 (3,94)	24	39
Белый / White	45 % (0,498)	0	1
Чернокожий / Black	37 % (0,483)	0	1
Латиноамериканец / Hispanic	17 % (0,374)	0	1
Другое / Other Race	18 % (0,38)	0	1
Зависимые переменные / Dependent Variables			
Количество арестов / Total Arrests	23,71 (15,020)	1	119
Доля арестов за тяжкие преступления / Percent Violent Crime	20,7 % (0,16)	0	1

Почти 50 % респондентов никогда не вступали в брак. Тех, кто состоял в браке более трех лет, было 24,9 %. Чуть больше 25 % респондентов сообщили, что пробыли в браке от одного месяца до трех лет. Выборка состояла из 45 % белых, 37 % чернокожих и 18 % представителей других национальностей. Возраст респондентов составлял от 24 до 39 лет, в среднем 33 года. Все переменные были также проанализированы с помощью двумерного критерия; таким образом, было выявлено несколько значимых корреляций между зависимыми и независимыми переменными. Таблица с этими корреляциями не включена в данную публикацию из-за недостатка места, но может быть получена у авторов по запросу.

Результаты многомерной регрессии

Таблица 2

Регрессия по методу наименьших квадратов для независимых переменных по проценту арестов за тяжкие преступления ($N = 643$)

Table 2. OLS regression of independent variables on percent violent arrests ($N = 643$)

Характеристики семьи / Family Characteristics	Доля арестов за тяжкие преступления (% от общего числа арестов) / Percent Violent Arrests (% of total arrests)	
	Коэффициент (стандартная погрешность) / Coef. (Std. Error)	95 % CI
Полная семья / Intact Family	0,101 (0,061)+	0,91–1,10
Количество сиблингов / Number of Siblings	0,018 (0,011)	0,96–1,00
Преступная деятельность родителя(ей) / Parent Criminality	0,089 (0,060)	0,85–1,03
Аресты сиблингов / Sibling Arrests	-0,041 (0,034)	1,01–1,12
Благосостояние / Welfare	0,160 (0,076)*	0,89–1,11
Занятость / Years Unemployed	-0,007 (0,009)	-0,02–0,01
Брак / Years Married	-0,022 (0,010)*	-0,04 – -0,003
Количество лет в заключении / Years Confined	0,055 (0,010)***	0,04 - 0,07
Демографические данные / Demographics		
Возраст / Age	0,017 (0,010)+	-0,000–0,03
Чернокожие / Black	0,398 (0,069)***	0,26–0,53
Другие расы / Other Race	0,086 (0,086)	-0,08–0,26
R-квадрат / R-square: 0,15		

Примечание / Note: + $p < 0,10$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Для прогнозирования процента арестов за тяжкие преступления в нашей выборке привычных преступников мы провели оценку модели регрессии по методу наименьших квадратов. Зависимая переменная процента арестов за тяжкие преступления показала значительное отклонение, поэтому была создана комплексная зависимая переменная. В дальнейшем анализе эта переменная использовалась как зависимая. Результаты анализа показаны в табл. 2. Методом наименьших квадратов показано, что данная регрессионная модель объясняет около 15 % дисперсии зависимой переменной. Хотя в данной модели переменные по сиблингам не достигают уровня значимости $p < 0,05$, было выявлено несколько других интересных корреляций с контрольными переменными

на значимом уровне. Так, респонденты из семей, получивших пособия, имели более высокий процент арестов за тяжкие преступления ($b = 0,16, p < 0,05$). Чем меньше был период нахождения в браке, тем выше процент арестов за тяжкие преступления; последний был также тем выше, чем дольше респондент находился в заключении ($b = -0,007, p < 0,05$; $b = 0,054, p < 0,000$, соответственно). И наконец, чернокожие привычные преступники значительно чаще арестовывались за тяжкие преступления, чем белые ($b = 0,40, p < 0,000$).

Отрицательная биномиальная регрессия

В табл. 3 представлены результаты модели отрицательной биномиальной регрессии, показывающей влияние независимых переменных на общее количество арестов. Учитывая значительное отрицательное отклонение и численный характер такой переменной, как «общее количество арестов», мы сочли целесообразным применить модель отрицательной биномиальной вместо традиционной модели регрессии по методу наименьших квадратов [83]. Кроме того, в модель включена компенсирующая переменная, которая уравнивает разницу возрастов респондентов. Коэффициенты случайностей (IRR) представлены для наглядности. Общее количество арестов прогнозируется несколькими независимыми переменными. Наличие каждого дополнительного сиблинга снижает общее количество арестов примерно на 2 % ($IRR = 0,98, p < 0,05$). Каждый дополнительный арест сиблинга увеличивает общее количество арестов примерно на 6 % ($IRR = 1,06, p < 0,05$). Эти результаты подтверждают гипотезу 1: «Привычные преступники, имеющие сиблингов с криминальной историей, будут иметь большее количество арестов», но противоречат гипотезе 3: «Чем больше сиблингов имеет привычный преступник, тем выше будет количество его арестов». Кроме того, выявлено, что представители других рас имеют примерно на 21 % больше арестов, чем белые ($IRR = 1,21, p < 0,01$). Каждый дополнительный год без работы увеличивает общее количество арестов на 3 % ($IRR = 1,03, p < 0,01$). К такому же результату приводит каждый дополнительный год в браке ($IRR = 1,03, p < 0,001$)⁴.

⁴ Помимо представленных здесь результатов, мы изучали модели, включающие сочетание факторов «криминальное прошлое родителя – арест сиблинга» для выявления возможных

Таблица 3
Модель отрицательной биномиальной регрессии
($N = 643$)^a
Table 3. Negative Binomial Regression Model ($N = 643$)^a

Характеристики семьи / Family Characteristics	Общее количество арестов / Total Arrests	
	IRR (стандартная ошибка) / IRR (Std. Error)	95 % CI
Полная семья / Intact Family	1,00 (0,049)	0,91–1,10
Количество сиблингов / Number of Siblings	0,98 (0,009)**	0,96–1,00
Преступная деятельность родителя(ей) / Parent Criminality	0,96 (0,061)	0,8–1,03
Аресты сиблингов / Sibling Arrests	1,06 (0,028)*	1,0–1,12
Благополучие / Welfare	1,00 (0,060)	0,89–1,11
Занятость / Years Unemployed	1,03 (0,007)**	1,01–1,04
Брак / Years Married	1,03 (0,008)***	1,01–1,04
Количество лет в заключении / Years Confined	0,99 (0,007)	0,9–1,01
Демографические данные / Demographics		
Возраст / Age	1,02 (0,007)	0,99–1,01
Чернокожие / Black	1,09 (0,060)	0,98–1,21
Другие расы / Other Race	1,69 (0,408)**	1,06–1,39
LR chi2: 46,49***		

Примечание / Note: + $p < 0,10$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$,
*** $p < 0,001$.

^a Модель также включает компенсирующую переменную,
основанную на возрасте респондентов / Model also includes an
offset variable based on age.

Обсуждение

Настоящее исследование расширяет понимание поведения привычных преступников с точки зрения влияния сиблингов на преступную деятельность. Прежние исследования привычной преступности показывали значимость таких факторов, как структура семьи и возраст начала преступной деятельности [65, 84, 85]. Однако малоизученным оставался вопрос о возможном влиянии сиблингов друг на друга вне зависимости от других семейных факторов. Результаты модели отрицательной биномиальной регрессии

эффектов взаимодействия между влиянием родителя и сиблинга. Эти условия оказались статистически незначимыми во всех моделях, поэтому не были включены в итоговый анализ.

показывают, что сиблинги влияют на рецидивизм в долгосрочной перспективе. Основные выводы из проведенного исследования таковы: 1) на общее количество арестов преступника существенно влияет количество арестов его сиблинга и 2) количество сиблингов отрицательно влияет на количество арестов привычного преступника. Были подтверждены результаты других работ, что такие личные факторы, как занятость и брак, являются значимыми факторами преступности [86–88]. Как и более ранние работы, наше исследование подтвердило, что нахождение в браке снижает вероятность криминального поведения за счет тяжких преступлений; однако каждый дополнительный год в браке увеличивает общее количество арестов.

В настоящей работе исследовался ряд основных факторов влияния семьи, при этом особое внимание уделялось воздействию сиблингов на привычных преступников. Чем больше сиблингов имел преступник, тем ниже было общее количество его арестов. В более ранней работе Lauritsen [21] было показано, что увеличение количества сиблингов на статистически значимом уровне связано с увеличением общего количества арестов. Для объяснения этого противоречия мы обратились к показателям частоты арестов за тяжкие преступления. Мы утверждаем, что преступники с большим количеством сиблингов имеют меньше арестов, но процент арестов за тяжкие преступления у них выше. Хотя в нашем исследовании этот результат не был статистически значимым, это, возможно, объясняется ограничениями доступных данных, например, отсутствием детальных характеристик поведения и взаимоотношений сиблингов. Однако эти результаты находят подтверждение во многих более ранних работах, где тяжесть преступного поведения коррелировала с уменьшением числа арестов [45, 89]. Кроме того, наличие большего количества сиблингов приводит к большей осведомленности о негативных последствиях их криминального поведения. Возможно, потенциальные преступники, имеющие много сиблингов, чаще наблюдают негативные последствия и, как следствие, избегают криминального поведения. Wagner, Borduin, Sawyer и Dopp показали, что дети, имевшие девиантного сиблинга, совершали менее серьезные преступления, так как видели и испытывали на себе негативные последствия его криминального поведения [90]. Возможно также, что такой опыт за-

ставляет ребенка обратить внимание на определенные поворотные точки в жизни сиблингов и принимать решения относительно своей жизни на основе этого опыта [91, 92]. Согласно теории жизненного курса, если индивидуум наблюдает арест своего сиблинга, его тюремное заключение или другое взаимодействие с системой уголовного правосудия, то это может послужить основой для принятия решений относительно поворотных точек в жизни преступника [74, 92]. Кроме того, как ранее отмечалось в литературе о девиантном поведении сверстников, чем больше арестов имеют сиблинги привычных преступников, тем больше арестов будут иметь сами эти преступники. Поскольку сиблинги могут считаться представителями референтной группы сверстников [93], мы предлагаем рассматривать их с точки зрения теории девиантного поведения групп сверстников; таким образом, привычные преступники, у которых есть сиблинги, подвергавшиеся арестам, действуют в роли девиантных сверстников. Исследования девиантных групп сверстников показывают [94, 95], что увеличение количества арестов в группе сверстников повышает вероятность ареста для индивида; наши данные это подтверждают. Когда правонарушители видели, что их сиблингов арестовывают за определенное поведение, то они, возможно, повторяли это поведение, что приводило к дальнейшим арестам [69, 70].

Sutherland утверждал, что подражание лежит в основе обучения, а также что подражание девиантному поведению может иметь место из-за желания признания или похвалы со стороны того, кому подражают [70]. Contu и Willmott рассматривали взаимосвязи между теориями обучения и теориями власти в аспекте наполнения сознания обучающегося когнитивным содержанием [96]. Учитывая, что сиблинги очень тесно общаются и часто вступают друг с другом в борьбу за признание и власть, легко предположить, что копирование криминального поведения может использоваться для получения признания [97].

Наш результат, что количество арестов у сиблингов связано с общим количеством арестов у преступника, возвращает нас к дискуссии о подражании и о том, насколько сиблинги склонны повторять девиантные действия сверстников. Теория обучения объясняет влияние сиблингов на криминальное поведение тем, что сиблинги часто учатся друг у друга без ведома и какого-либо воздействия со стороны опекунов.

В данной выборке преступная деятельность родителей была связана со *снижением* общего количества арестов; этот результат показывает, что взаимоотношения сиблингов оказывают влияние независимо от взаимоотношений с родителями. Теория обучения предлагает объяснение того, как сиблинги могут обучать друг друга образцам девиантного или нормативного поведения через глубинную потребность в одобрении и принятии со стороны родственников [69]. Через взаимоотношения и жизненный опыт сиблинги могут вызывать друг у друга девиантное и криминальное поведение во многом так же, как это происходит при взаимоотношениях с девиантными сверстниками [93]. В процессе социализации сиблинги оказывают влияние на становление личности, поступки друг друга на более глубоком уровне, чем учителя, друзья или другие окружающие люди [37]. Как и девиантные сверстники, которые тесно общаются и учатся друг у друга, сиблинги находятся в уникальном положении во время социализации [98]. В работе Schulze и Bryan показано, что уровень преступности сиблингов на статистически значимом уровне служил предиктором общего количества арестов среди несовершеннолетних из-за их стремления подражать и производить впечатление друг на друга. Хотя этот вывод относился только к несовершеннолетним, он подтверждает, что сиблинги влияют друг на друга через обучение поведению, причем подражание направлено на получение одобрения и признания [98].

В нашей работе в рамках теории обучения и теории жизненного курса исследовалась роль сиблингов как предикторов привычной преступности. Указанные теории дают ключ к пониманию данной проблемы, но нам удалось выявить также связь с исследованиями девиантного поведения групп сверстников и отношения к сиблингам. Поскольку работ, посвященных влиянию сиблингов даже в качестве контрольной переменной, очень мало, мы выделяем несколько важных выводов на основе других независимых переменных. Эти выводы показывают, что учет такого влияния может значительно изменить наше представление о связи между уже известными предикторами и криминальным поведением. Так, наше исследование подтвердило результаты более ранних работ, что для чернокожих преступников вероятность арестов за тяжкие преступления выше, чем для белых. Этот результат не удивителен, учитывая большое количество

работ по проблемам насильственных преступлений и расовых аспектов преступности, в которых делался тот же вывод [56, 99–101]. Безработица также является значимым показателем преступного поведения, что полностью соответствует более ранним исследованиям [45, 50, 60–63]. Чем дольше правонарушитель остается безработным, тем выше общее количество его арестов. Также не удивительно, что чем дольше преступник находится в местах лишения свободы, тем меньше общее количество арестов, что было показано в литературе и ранее [89]. Эти результаты не стали сюрпризом, но подтвердили более ранние исследования по проблеме привычной преступности [45].

Наконец, было обнаружено, что брак является значимым параметром общего числа арестов; при нахождении правонарушителя в браке общее количество арестов за тяжкие преступления снижается. Этот результат стал неожиданным, учитывая, что во множестве работ вступление в брак называлось в качестве поворотной точки в жизни преступника, которая заставляет его воздерживаться от криминального поведения [92, 102–105]. В теории жизненного курса брак считается одним из ключевых факторов и важной поворотной точкой, примером того, что положительная социальная привязанность вызывает стремление к социально одобряемому поведению [92]. Брак с социально ориентированным партнером зачастую ослабляет связи с девиантными или криминальными сообществами, так как правонарушитель стремится проводить больше времени со своим партнером [70, 105]. Однако наши результаты показывают, что чем дольше продолжается брак, тем выше общее количество арестов у правонарушителя. Иными словами, в нашей выборке нахождение правонарушителей в браке снижало не общий уровень преступности, но лишь частоту совершения тяжких преступлений. Другие исследования подтверждают значение социально ориентированного брака как ключевой причины для снижения преступной активности [92], что соответствует нашим результатам. Что касается связи между различными типами преступлений и нахождением в браке, то эта тема мало исследована. Неоднозначное влияние брака на уровень преступной активности может объясняться тем, что базы данных обычно не указывают, является ли партнер социально ориентированным. К сожалению, базы данных, использовавшиеся в настоящем исследовании, также не содержат этой информации.

Ограничения исследования и направления дальнейшей работы

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Исследование проводилось на вторичных данных 1965–1984 гг., таким образом, этим данным уже около 30 лет. Эти базы данных были выбраны потому, что содержат сведения как о типах преступлений, так и о переменных, напрямую связанных с рассматриваемой проблемой. Кроме того, эти базы данных были использованы в более ранних работах Piquero с соавт. [66], Ezell [106], Armstrong [107] и Sullivan, McGloin, Ray и Caudy [108], что подтверждает их ценность и релевантность для криминологических исследований. Хотя эти данные не новы, нет никаких оснований полагать, что природа взаимоотношений сиблингов существенно изменилась за прошедший период. Взаимоотношения между членами семьи давно являются предметом криминологических исследований, при этом одни и те же переменные используются последовательно для прогнозирования влияния членов семьи на поведение друг друга. Хотя мы признаем, что давность информации является ограничением исследования, мы все же считаем, что наши результаты послужат надежной базой для дальнейшей работы с новыми выборками.

Еще одним ограничением нашего исследования является то, что данные были собраны только в Калифорнии. Это ограничивает возможности для обобщения результатов и снижает внешнюю валидность работы. Кроме того, выборка включала только мужчин, таким образом, влияние сиблингов на женщин не рассматривалось. Сведения о преступной деятельности родителей брались из официальных досье CDC при поступлении в исправительное учреждение, а также из отчетов о досудебном расследовании дела [78]. Базы данных также не содержали сведений о гендерной принадлежности сиблингов. Вполне возможно (и весьма вероятно), что механизмы влияния сиблингов на уровень преступности различаются в зависимости от пола. В данной выборке также не содержится информация о возрасте сиблингов, что является ограничением исследования. Взаимоотношения сиблингов с большой вероятностью зависят не только от их количества в семье, но и от гендерных пар. Kim, McHale, Osgood и Crouter [109] изучали влияние гендерных пар и порядка рож-

дения на стабильность, конфликтность и близость взаимоотношений сиблингов в детстве и юности; они считали, что поведение и отношения внутри однополых и разнополых пар сиблингов будут различны. Исследования показали, что разнополые пары сиблингов имеют не такие стабильные и близкие отношения, как однополые; значит, влияние сиблингов друг на друга, действительно, зависит от их пола [110]. Необходимо глубже изучить взаимоотношения в гендерных парах различного состава (мужчина – мужчина, мужчина – женщина и женщина – женщина) в аспекте траекторий криминального поведения. И наконец, в базах данных не указывается характер взаимоотношений в семье в целом, между сиблингами, а также в браке; следовательно, влияние этих факторов остается за рамками настоящего исследования.

В дальнейшем влияние сиблингов на поведение привычных преступников необходимо изучать с использованием количественных и качественных данных об их поведении и образе жизни. В работах, посвященных структуре семьи, сиблинги часто остаются на периферии внимания и редко выступают фактором прогнозирования криминального поведения. А ведь они могут как способствовать ему, так и служить сдерживающим фактором. Например, сиблинги могут положительно влиять на преступника, демонстрируя поворотные точки в своей жизни или то, что выгоды от криминального поведения не оправдывают риска. И наоборот, сиблинги могут на своем примере показать выгоды и успешность социально приемлемых действий. Кроме того, необходимо глубже изучить такой поворотный момент в жизни привычного преступника, как вступление в брак; до сих пор открытым остается вопрос, является ли брак причиной или следствием решения преступника отказаться от криминальной деятельности. И наконец, будущие исследования могут дать дополнительную информацию о социальных взаимодействиях сиблингов как факторе их влияния на криминальную деятельность привычных преступников.

Заключение

Данная работа представляет собой первичное исследование влияния сиблингов на долгосрочное преступное поведение друг друга. Подчеркивается важность изучения данного влияния как отдельного компонента влияния семьи на преступность. Кроме

того, наше исследование расширяет выводы прошлых работ путем изучения связей между типами преступлений и факторами влияния сиблингов на основе имевшихся баз данных. Ранее в литературе по проблемам преступности несовершеннолетних изучались связи между сиблингами и их влияние на тяжесть преступлений [111–113]. Однако оставался слабо изученным вопрос о связи между сиблингами, типами преступлений и привычной преступностью. Во многих работах было показано влияние структуры семьи на криминальное поведение привычных преступников, однако изучение компонентов семьи является далеко не полным без глубокого исследования роли сиблингов. При изучении феномена привычной преступности сиблинги обычно рассматривались как часть структуры семьи, без выделения их в качестве отдельной переменной, влияющей не только на общий уровень криминальной активности привычного преступника, но и на тип преступной деятельности [5, 6, 66]. Иногда в литературе по проблемам привычной преступности предлагается рассматривать сиблингов как изолированную переменную для изучения деталей взаимоотношений между ними, однако важно также обратить внимание на прогнозирование типов преступлений и роли сиблингов в интерпретации поведения привычных преступников [5, 24].

В недавней работе Sullivan и Piquero [114] отмечали необходимость дальнейших исследований привычных преступников и расширения спектра таких исследований. В частности, они поддержали точку зрения, высказанную в более ранней работе Visser [115], о необходимости «шире изучать их окружение и другие возможные источники неформального общественного контроля», а также и мнение Sampson и Laub [116] о «важности более широкого и глубокого понимания взаимодействий между индивидуумами, семьями, сообществами и судебной системой» и необходимости смотреть шире, чем на отдельного преступника [114, р. 431]. Наше исследование заполняет этот пробел путем изучения «связанных друг с другом жизней» и инициирует дискуссию о необходимости рассмотрения взаимоотношений сиблингов как важнейшего фактора в жизни привычного преступника. Результаты нашей работы показывают, что в данной области необходимы дальнейшие исследования, например, влияние взаимоотношений сиблингов на частоту совершения тяжких преступлений привыч-

ными преступниками. Предметом изучения могли бы стать взаимоотношения сиблингов как причина возникновения паттернов криминального поведения в семье, в частности, среди сиблингов [117]. Еще

одной областью дальнейших исследований может стать изучение степени и начальной точки влияния сиблингов на криминальное поведение, что позволит лучше понять феномен привычной преступности.

Список литературы / References

1. Huschek D., Bijleveld C. C. Parental criminality and children's family-life trajectories: Findings for a mid-20th century cohort, *Longitudinal and Life Course Studies*, 2015, Vol. 6, No. 4, pp. 379–396. DOI: 10.14301/lfcs.v6i4.282
2. Junger M., Greene J., Schipper R., Hesper F., Estourgie V. Parental criminality, family violence and intergenerational transmission of crime within a birth cohort, *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2013, Vol. 19, No. 2, pp. 117–133. DOI: 10.1007/s10610-012-9193-z
3. Lewis D. O., Balla D., Shanok S., Snell L. Delinquency, parental psychopathology, and parental criminality: clinical and epidemiological findings, *Journal of the American Academy of Child Psychiatry*, 1976, Vol. 15, No. 4, pp. 665–678. DOI: 10.1097/00004583-197601540-00004
4. Rowe D. C., Farrington D. P. The familial transmission of criminal convictions, *Criminology*, 1997, Vol. 35, No. 1, pp. 177–202. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1997.tb00874.x
5. Sutton-Smith B., Rosenberg B. G. *The sibling*, New York, NY, Holt, Rinehart & Winston, 1970.
6. Van de Rakt M., Nieuwebeerta P., Apel R. Association of criminal convictions between family members: Effects of siblings, fathers and mothers, *Criminal Behaviour and Mental Health*, 2009, Vol. 19, No. 2, pp. 94–108. DOI: 10.1002/cbm.715
7. Krohn M. D., Hall G. P., Lizotte A. J. Family transitions and later delinquency and drug use, *Journal of Youth and Adolescence*, 2009, Vol. 38, No. 3, pp. 466–480. DOI: 10.1007/s10964-008-9366-8
8. Laub J. H., Sampson R. J. Unraveling families and delinquency: A reanalysis of the Gluecks' data, *Criminology*, 1988, Vol. 26, No. 3, pp. 355–380. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1988.tb00846.x
9. Masten A. S., Coatsworth J. D. The development of competence in favorable and unfavorable environments: Lessons from research on successful children, *American Psychologist*, 1998, Vol. 53, No. 2, pp. 205–220. DOI: 10.1037/0003-066X.53.2.205
10. Bersani B. E., Nieuwebeerta P., Laub J. H. Predicting trajectories of offending over the life-course: Findings from a Dutch conviction cohort, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2009, Vol. 46, No. 4, pp. 468–494. DOI: 10.1177/0022427809341939
11. Cavanagh S. E., Huston A. C. Family instability and children's early problem behavior, *Social Forces*, 2006, Vol. 85, No. 1, pp. 551–581. DOI: 10.1353/sof.2006.0120
12. Farrington D. P. Early predictors of adolescent aggression and adult violence, *Violence and Victims*, 1989, Vol. 4, No. 2, pp. 79–100.
13. Gottfredson M. R., Hirschi T. *A general theory of crime*, Stanford, CA, Stanford University Press*, 1990.
14. Yoshikawa H. Prevention as cumulative protection: effects of early family support and education on chronic delinquency and its risks, *Psychological Bulletin*, 1994, Vol. 115, No. 1, pp. 28–54. DOI: 10.1037//0033-2909.115.1.28
15. Amato P. R. The impact of family formation change on the cognitive, social, and emotional well-being of the next generation, *The Future of Children*, 2005, Vol. 15, No. 2, pp. 75–96. DOI: 10.1353/foc.2005.0012
16. Gorman-Smith D., Tolan P. H., Loeber R., Henry D. B. Relation of family problems to patterns of delinquent involvement among urban youth, *Journal of Abnormal Child Psychology*, 1998, Vol. 26, No. 5, pp. 319–333. DOI: 10.1023/a:1021995621302
17. Darling N. *Parenting style and its correlates*, ERIC Digest, 2011, available at: <https://www.ericdigests.org/1999-4/parenting>
18. Gershoff E. Vol. Corporal punishment by parents and associated child behaviors and experiences: a meta-analytic and theoretical review, *Psychological Bulletin*, 2002, Vol. 128, No. 4, pp. 539–579. DOI: 10.1037//0033-2909.128.4.539
19. Zigler E., Taussig C., Black K. Early childhood intervention: A promising preventative for juvenile delinquency, *American Psychologist*, 1992, Vol. 47, No. 8, pp. 997–1006. DOI: 10.1037//0003-066x.47.8.997
20. Farrington D. P., West D. J. Criminal, penal and life histories of chronic offenders: Risk and protective factors and early identification, *Criminal Behaviour and Health*, 1993, Vol. 3, pp. 492–523. DOI: 10.1002/cbm.1993.3.4.492
21. Lauritsen J. L. Sibling resemblance on juvenile delinquency: Findings from the National Youth Survey, *Criminology*, 1993, Vol. 31, pp. 387–407. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1993.tb01135.x
22. Rowe D., Gulley B. Sibling effects on substance abuse and delinquency, *Criminology*, 1992, Vol. 30, pp. 217–233. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1992.tb01103.x
23. Slomkowski C., Rende R., Conger K. J., Simons R. L., Conger R. D. Sisters, brothers, and delinquency: Evaluating social influence during early and middle adolescence, *Child development*, 2001, Vol. 72, No. 1, pp. 271–283. DOI: 10.1111/1467-8624.00278

24. Kuja-Halkola R., Pawitan Y., D'Onofrio B. M., Långström N., Lichtenstein P. Advancing paternal age and offspring violent offending: A sibling-comparison study, *Development and Psychopathology*, 2012, Vol. 24, No. 3, pp. 739–753. DOI: 10.1017/S095457941200034X
25. Anderson-Bond T. *Revising*: Doctoral dissertation, University of Washington [City], 2009.
26. Duncan G. J., Boisjoly J., Harris K. M. Sibling, peer, neighbor, and schoolmate correlations as indicators of the importance of context for adolescent development, *Demography*, 2001, Vol. 38, No. 3, pp. 437–447. DOI: 10.1353/dem.2001.0026
27. McHale S. M., Updegraff K. A., Whiteman S. D. Sibling relationships and influences in childhood and adolescence, *Journal of Marriage and Family*, 2012, Vol. 74, No. 5, pp. 913–930. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2012.01011.x
28. Kendler K. S., Morris N. A., Ohlsson H., Lönn S. L., Sundquist J., Sundquist K. Criminal offending and the family environment: Swedish national high-risk home-reared and adopted-away co-sibling control study, *The British Journal of Psychiatry*, 2016, Vol. 209, No. 4, pp. 294–299. DOI: 10.1192/bjp.bp.114.159558
29. Garcia M. M., Shaw D. S., Winslow E. B., Yaggi K. E. Destructive sibling conflict and the development of conduct problems in young boys, *Developmental Psychology*, 2000, Vol. 36, pp. 44–53. DOI: 10.1037//0012-1649.36.1.44
30. Patterson G. Siblings: Fellow travelers in coercive family process, *Advances in the study of aggression*, eds. R. Blanchard, D. Blanchard, Orlando, FL: Academic Press, 1984, pp. 173–215.
31. Bank L., Patterson G., Reid J. Negative sibling interaction patterns as predictors of later adjustment problems in adolescent and youth adult males, *Sibling relationships: Their causes and consequences*, eds. G. H. Brody, New York, NY: Ablex, 1996, pp. 197–229.
32. Criss M. M., Shaw D. S. Sibling relationships as contexts for delinquency training in low-income families, *Journal of Family Psychology*, 2005, Vol. 19, pp. 592–600. DOI: 10.1037/0893-3200.19.4.592
33. Fergusson D. M., Horwood L. J. Male and female offending trajectories, *Development and Psychopathology*, 2002, Vol. 14, No. 01, pp. 159–177. DOI: 10.1017/s0954579402001098
34. Loeber R., Farrington D. P. Young children who commit crime: Epidemiology, developmental origins, risk factors, early interventions, and policy implications, *Development and Psychopathology*, 2000, Vol. 12, No. 4, pp. 737–762. DOI: 10.1017/s0954579400004107
35. Piquero A. R., Farrington D. P., Nagin D. S., Moffitt T. E. Trajectories of offending and their relation to life failure in late middle age: Findings from the Cambridge Study in Delinquent Development, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2010, Vol. 47, No. 2, pp. 151–173. DOI: 10.1177/0022427809357713
36. Webster C., MacDonald R., Simpson M. Predicting criminality? Risk factors, neighbourhood influence and desistance, *Youth Justice*, 2006, Vol. 6, No. 1, pp. 7–22. DOI: 10.1177/1473225406063449
37. Cullen F. T., Agnew R., Wilcox P. *Criminological theory past to present: Essential readings*, 5th ed., Los Angeles, CA: Roxbury Park, 2014.
38. Benedict W. R., Huff-Corzine L. Return to the scene of the punishment: Recidivism of adult male property offenders on felony probation, 1986–1989, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1997, Vol. 34, No. 2, pp. 237–252. DOI: 10.1177/0022427897034002004
39. Benedict W. R., Huff-Corzine L., Corzine J. Clean up and go straight: Effects of drug treatment on recidivism among felony probationers, *American Journal of Criminal Justice*, 1998, Vol. 22, No. 2, pp. 169–187. DOI: 10.1007/bf02887256
40. Durose M. R., Cooper A. D., Snyder H. N. *Recidivism of prisoners released in 30 States in 2005: Patterns from 2005 to 2010*, Bureau of Justice Statistics, 2014, available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/rprts05p0510.pdf>
41. Gendreau P., Little T., Goggin C. A meta analysis of the predictors of adult offender recidivism: What works!, *Criminology*, 1996, Vol. 34, No. 4, pp. 575–608. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1996.tb01220.x
42. Kubrin C. E., Squires G., Stewart E. Neighborhoods, race, and recidivism: The Community reoffending nexus and its implications for African Americans, *SAGE Race Relations Abstracts*, 2007, Vol. 32, No. 7–37. DOI: 10.1177/0307920107073250
43. Langan P. A., Levin D. J. Recidivism of prisoners released in 1994, *Federal Sentencing Reporter*, 2002, Vol. 15, No. 1, pp. 58–65. DOI: 10.1525/fsr.2002.15.1.58
44. Ulmer J. T. Intermediate sanctions: A comparative analysis of the probability and severity of recidivism, *Sociological Inquiry*, 2001, Vol. 71, No. 2, pp. 164–193. DOI: 10.1111/j.1475-682x.2001.tb01107.x
45. Uggen C. Work as a turning point in the life-course of criminals: A duration model of age, employment, and recidivism, *American Sociological Review*, 2000, Vol. 65, pp. 529–546. DOI: 10.2307/2657381
46. Gainey R. R., Payne B. K., O'Toole M. The relationships between time in jail, time on electronic monitoring, and recidivism: An event history analysis of a jail-based program, *Justice Quarterly*, 2000, Vol. 17, No. 4, pp. 733–752. DOI: 10.1080/07418820000094741
47. Listwan S. J., Sundt J. L., Holsinger A. M., Latessa E. J. The effect of drug court programming on recidivism: The Cincinnati experience, *Crime & Delinquency*, 2003, Vol. 49, No. 3, pp. 389–411. DOI: 10.1177/0011128703049003003

48. MacKenzie D. L., Browning K., Skroban S. B., Smith D. A. The impact of probation on the criminal activities of offenders, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1999, Vol. 36, No. 4, pp. 423–453. DOI: 10.1177/0022427899036004004
49. Schwaner S. L. Patterns of violent specialization: Predictors of recidivism for a cohort of parolees, *American Journal of Criminal Justice*, 1998, Vol. 23, No. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1007/bf02887281
50. Kurlychek M. C., Brame R., Bushway S. D. Scarlet letters and recidivism: Does an old criminal record predict future offending?, *Criminology & Public Policy*, 2006, Vol. 5, No. 3, pp. 483–504. DOI: 10.1111/j.1745-9133.2006.00397.x
51. Spohn C., Holleran D. The effect of imprisonment on recidivism rates of felony offenders: A focus on drug offenders, *Criminology*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 329–358. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2002.tb00959.x
52. Blackwell B. S., Holleran D., Finn M. A. The impact of the Pennsylvania sentencing guidelines on sex differences in sentencing, *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2008, Vol. 24, No. 4, pp. 399–418. DOI: 10.1177/1043986208319453
53. Franklin C. A., Fearn N. E. Gender, race, and formal court decision-making outcomes: Chivalry/paternalism, conflict theory or gender conflict?, *Journal of Criminal Justice*, 2008, Vol. 36, No. 3, pp. 279–290. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2008.04.009
54. Griffin T., Wooldredge J. Sex-based disparities in felony dispositions before versus after sentencing reform in Ohio, *Criminology*, 2006, Vol. 44, No. 4, pp. 893–923. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2006.00067.x
55. Rodriguez F. S., Curry T. R., Lee G. Gender differences in criminal sentencing: Do effects vary across violent, property, and drug offenses?, *Social Science Quarterly*, 2006, Vol. 87, No. 2, pp. 318–339. DOI: 10.1111/j.1540-6237.2006.00383.x
56. Steffensmeier D., Ulmer J., Kramer J. Interaction of race, gender, and age in criminal sentencing: The punishment cost of being young, Black, and male, *Criminology*, 1998, Vol. 36, pp. 763–798. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1998.tb01265.x
57. Greenberg D. F. Recidivism as radioactive decay, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1978, Vol. 15, No. 1, pp. 124–125. DOI: 10.1177/002242787801500110
58. Harris C. M., Moitra S. D. Improved statistical techniques for the measurement of recidivism, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1978, Vol. 15, No. 2, pp. 194–213. DOI: 10.1177/002242787801500206
59. Maltz M. D. *Recidivism*, Orlando, Florida: Academic Press, 1984.
60. Steurer S. J., Smith L. G. *Education reduces crime: Three-state recidivism study (Executive Summary)*, Correctional Education Association, 2003, available at: <http://www.ceanational.org/PDFs/EdReducesCrime.pdf>
61. Holzer H. J., Raphael S., Stoll M. A. *Will employers hire ex-offenders? Employer preferences, background checks, and their determinants*, Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin – Madison, 2002, available at: <http://irp.wisc.edu/publications/dps/pdfs/dp124302.pdf>
62. Holzer H. J., Raphael S., Stoll M. A. Perceived criminality, criminal background checks, and the racial hiring practices of employers, *Journal of Law and Economics*, 2006, Vol. 49, No. 2, pp. 451–480. DOI: 10.1086/501089
63. Horney J., Osgood D. W., Marshall I. H. Criminal careers in the short-term: Intra-individual variability in crime and its relation to local life circumstances, *American Sociological Review*, 1995, Vol. 60, No. 5, pp. 655–673. DOI: 10.2307/2096316
64. Wolfgang M. E. Delinquency in two birth cohorts, *Prospective studies of crime and delinquency*, eds. K. T. Van Dusen, S. A. Mednick, Netherlands: Springer, 1983, pp. 7–16.
65. DeLisi M. Extreme career criminals, *American Journal of Criminal Justice*, 2001, Vol. 25, No. 2, pp. 239–252. DOI: 10.1007/BF02886848
66. Piquero A. R., Brame R., Lynam D. Studying criminal career length through early adulthood among serious offenders, *Crime & Delinquency*, 2004, Vol. 50, No. 3, pp. 412–435. DOI: 10.1177/0011128703260333
67. DeLisi M., Vaughn M. G. The Gottfredson–Hirschi critiques revisited: Reconciling self-control theory, criminal careers, and career criminals, *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2008, Vol. 52, No. 5, pp. 520–537. DOI: 10.1177/0306624X07308553
68. Agnew R. An integrated theory of the adolescent peak in offending, *Youth & Society*, 2003, Vol. 34, No. 3, pp. 263–299. DOI: 10.1177/0044118X02250094
69. Akers R. L. *Criminological theories: Introduction and evaluation*, New York; NY: Routledge, 1994.
70. Sutherland E. H. *Principles of criminology*, 4th ed., Philadelphia, PA: Lippincott, 1947.
71. Laub J. H., Sampson R. J. The Sutherland–Glueck debate: On the sociology of criminological knowledge, *American Journal of Sociology*, 1991, Vol. 96, No. 6, pp. 1402–1440. DOI: 10.1086/229691
72. Agnew R. A., Brezina T. *Juvenile delinquency: Causes and control*, New York, NY: Oxford University Press, 2012.
73. Sampson R. J., Laub J. H. Crime and deviance in the life-course, *Annual Review of Sociology*, 1992, Vol. 18, pp. 63–84. DOI: 10.1146/annurev.soc.18.1.63
74. Hagan J., MacMillan R., Wheaton B. New kid in town: Social capital and the life course effects of family migration on children, *American Sociological Review*, 1996, Vol. 61, No. 3, pp. 368–385. DOI: 10.2307/2096354

75. Pezzin L. E. Effects of family background on crime participation and criminal earnings: An empirical analysis of siblings, *Estudos Econômicos*, 2004, Vol. 34, No. 3, pp. 487–514. DOI: 10.1590/s0101-41612004000300004
76. Laub J. H., Sampson R. J. Turning points in the life-course: Why change matters to the study of crime, *Criminology*, 1993, Vol. 31, pp. 301–325. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1993.tb01132.x
77. Piquero A. R., Jennings W. G., Barnes J. C. Violence in criminal careers: A review of the literature from a developmental life-course perspective, *Aggression and Violent Behavior*, 2012, Vol. 17, No. 3, pp. 171–179. DOI: 10.1016/j.avb.2012.02.008
78. Haapanen R. A. *Longitudinal study of criminal career patterns of former California Youth Authority wards, 1965-1984*, 1999, available at: <http://doi.org/10.3886/ICPSR02478.v1>
79. Graham J. W. Missing data analysis: Making it work in the real world, *Annual Review of Psychology*, 2009, Vol. 60, pp. 549–576. DOI: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085530
80. Roth P. L. Missing data: A conceptual review for applied psychologists, *Personnel Psychology*, 1994, Vol. 47, No. 3, pp. 537–560. DOI: 10.1111/j.1744-6570.1994.tb01736.x
81. *Stata Statistical Software: Release 13*. College Station, TX: StataCorp LP., 2013.
82. Visher C. A., Travis J. Transitions from prison to community: Understanding individual pathways, *Annual Review of Sociology*, 2003, Vol. 29, pp. 89–113. DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.095931
83. Gardner W., Mulvey E. P., Shaw E. C. Regression analyses of counts and rates: Poisson, overdispersed Poisson, and negative binomial models, *Psychological Bulletin*, 1995, Vol. 118, No. 3, pp. 392–404. DOI: 10.1037//0033-2909.118.3.392
84. Hanson R. K., Morton-Bourgon K. E. The characteristics of persistent sexual offenders: A meta-analysis of recidivism studies, *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2005, Vol. 73, No. 6, pp. 1154–1163. DOI: 10.1037/0022-006x.73.6.1154
85. Hirschi T., Gottfredson M. R. Age and the explanation of crime, *American Journal of Sociology*, 1983, Vol. 89, No. 3, pp. 552–584. DOI: 10.1086/227905
86. DeLisi M., Beaver K. M., Vaughn M. G., Wright J. P. All in the family genes: Environment interaction between DRD2 and criminal father is associated with five antisocial phenotypes, *Criminal Justice and Behavior*, 2009, Vol. 36, No. 11, pp. 1187–1197. DOI: 10.1177/0093854809342884
87. Farrington D. P., Jolliffe D., Loeber R., Stouthamer-Loeber M., Kalb L. M. The concentration of offenders in families, and family criminality in the prediction of boys' delinquency, *Journal of Adolescence*, 2001, Vol. 24, No. 5, pp. 579–596. DOI: 10.1006/jado.2001.0424
88. Van de Rakt M., Nieuwebeerta P., De Graaf N. D. Like father, like son: The relationships between conviction trajectories of fathers and their sons and daughters, *British Journal of Criminology*, 2008, Vol. 48, No. 4, pp. 538–556. DOI: 10.1093/bjc/azn014
89. Blumstein A., Cohen J. Estimation of individual crime rates from arrest records, *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1979, Vol. 70, No. 4, pp. 561–585. DOI: 10.2307/1142642
90. Wagner D. V., Borduin C. M., Sawyer A. M., Dopp A. R. Long-term prevention of criminality in siblings of serious and violent juvenile offenders: A 25-year follow-up to a randomized clinical trial of multisystemic therapy, *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2014, Vol. 82, No. 3, pp. 492–499. DOI: 10.1037/a0035624
91. Defoe I. N., Keijsers L., Hawk S. T., Branje S., Dubas J. S., Buist K., Meeus W. Siblings versus parents and friends: longitudinal linkages to adolescent externalizing problems, *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2013, Vol. 54, No. 8, pp. 881–889. DOI: 10.1111/jcpp.12049
92. Sampson R. J., Laub J. H. Life-course desisters? Trajectories of crime among delinquent boys followed to age 70, *Criminology*, 2003, Vol. 41, No. 3, pp. 555–592. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2003.tb00997.x
93. Ardelt M., Day L. Parents, siblings, and peers: Close social relationships and adolescent deviance, *The Journal of Early Adolescence*, 2002, Vol. 22, No. 3, pp. 310–349. DOI: 10.1177/02731602022003004
94. Liberman A. M., Kirk D. S., Kim K. Labeling effects of first juvenile arrests: Secondary deviance and secondary sanctioning, *Criminology*, 2014, Vol. 52, No. 3, pp. 345–370. DOI: 10.1111/1745-9125.12039
95. Patterson G. R. Coercion as the basis of early age of onset for arrest, *Coercion and punishment in long-term perspectives*, ed. J. McCord, New York, NY: Cambridge University, 1995, pp. 81–105.
96. Contu A., Willmott H. Re-embedding situatedness: The importance of power relations in learning theory, *Organization Science*, 2003, Vol. 14, No. 3, pp. 283–296. DOI: 10.1287/orsc.14.3.283.15167
97. Blackwell B. S., Reed M. D. Power-control as a between-and within-family model: Reconsidering the unit of analysis, *Journal of Youth and Adolescence*, 2003, Vol. 32, No. 5, pp. 385–400. DOI: 10.1023/A:1024978116489
98. Schulze C., Bryan V. The gendered monitoring of juvenile delinquents: A test of power-control theory using a retrospective cohort study, *Youth & Society*, 2014, Vol. 49, No. 1, pp. 72–95. DOI: 10.1177/0044118X14523478
99. Feldmeyer B., Steffensmeier D., Ulmer J. Vol. Racial/ethnic composition and violence: Place variations in percent Black and percent Latino effects on violence rates, *Sociological Forum*, 2013, Vol. 28, No. 4, pp. 811–841. DOI: 10.1111/sof.12058

100. Felson R. B., Kreager D. A. Group differences in delinquency: What is there to explain?, *Race and Justice*, 2015, Vol. 5, No. 1, pp. 58–87. DOI: 10.1177/2153368714546953
101. Steffensmeier D., Feldmeyer B., Harris C. T., Ulmer J. Vol. Reassessing trends in Black violent crime, 1980-2008: Sorting out the “Hispanic effect” in Uniform Crime Reports arrests, National Crime Victimization Survey offender estimates, and US prisoner counts, *Criminology*, 2011, Vol. 49, No. 1, pp. 197–251. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2010.00222.x
102. Bersani B. E., DiPietro S. M. Marriage and offending: Examining the significance of marriage among the children of immigrants, *The Sociological Quarterly*, 2015, Vol. 57, pp. 304–332. DOI: 10.1111/tsq.12116
103. King R. D., Massoglia M., MacMillan R. The context of marriage and crime: gender, the propensity to marry, and offending in early adulthood, *Criminology*, 2007, Vol. 45, No. 1, pp. 33–65. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2007.00071.x
104. Siennick S. E., Staff J., Osgood D. W., Schulenberg J. E., Bachman J. G., VanEseltine M. Partnership transitions and antisocial behavior in young adulthood: A within-person, multi-cohort analysis, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2014, Vol. 51, No. 6, pp. 735–758. DOI: 10.1177/0022427814529977
105. Warr M. Life-course transitions and desistance from crime, *Criminology*, 1998, Vol. 36, pp. 183–216. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1998.tb01246.x
106. Ezell M. E. Examining the overall and offense-specific criminal career lengths of a sample of serious offenders, *Crime & Delinquency*, 2007, Vol. 53, No. 1, pp. 3–37. DOI: 10.1177/0011128706294437
107. Armstrong T. A. Exploring the impact of changes in group composition on trends in specialization, *Crime & Delinquency*, 2008, Vol. 54, No. 3, pp. 366–389. DOI: 10.1177/0011128707306120
108. Sullivan C. J., McGloin J. M., Ray J. V., Caudy M. S. Detecting specialization in offending: comparing analytic approaches, *Journal of Quantitative Criminology*, 2009, Vol. 25, No. 4, pp. 419–441. DOI: 10.1007/s10940-009-9074-x
109. Kim J. Y., McHale S. M., Osgood D. W., Crouter A. C. Longitudinal course and family correlates of sibling relationships from childhood through adolescence, *Child Development*, 2006, Vol. 77, No. 6, pp. 1746–1761. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2006.00971.x
110. Fagan A. A., Najman J. M. Sibling influences on adolescent delinquent behavior: An Australian longitudinal study, *Journal of Adolescence*, 2003, Vol. 26, pp. 546–558. DOI: 10.1016/s0140-1971(03)00055-1
111. Capaldi D. M., Patterson G. R. Can violent offenders be distinguished from frequent offenders: Prediction from childhood to adolescence, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1996, Vol. 33, No. 2, pp. 206–231. DOI: 10.1177/0022427896033002003
112. Felson R. B. Violence, crime, and violent crime, *International Journal of Conflict and Violence*, 2009, Vol. 3, No. 1, pp. 23–39. DOI: 10.4119/UNIBI/ijcv.46
113. Frisell T., Lichtenstein P., Långström N. Violent crime runs in families: a total population study of 12.5 million individuals, *Psychological Medicine*, 2011, Vol. 41, No. 1, pp. 97–105. DOI: 10.1017/s0033291710000462
114. Sullivan C. J., Piquero A. R. The criminal career concept: Past, present, and future, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2016, Vol. 53, No. 3, pp. 420–442. DOI: 10.1177/0022427815627313
115. Visher C. A. Unintended consequences: Policy implications of the NAS Report on Criminal Careers and Career Criminals, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2016, Vol. 53, pp. 306–320. DOI: 10.1177/0022427815603770
116. Sampson R. J., Laub J. H. A life-course view of the development of crime, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2005, Vol. 602, pp. 12–45. DOI: 10.1177/0002716205280075
117. Sampson R. J., Laub J. H. A life-course theory of cumulative disadvantage and the stability of delinquency, *Developmental Theories of Crime and Delinquency*, 1997, Vol. 7, pp. 133–161. DOI: 10.1177/0011128793039003010
118. Raine A. Biosocial studies of antisocial and violent behavior in children and adults: A review, *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2002, Vol. 30, No. 4, pp. 311–326. DOI: 10.1023/a:1015754122318
119. Abderhalden F. P., Evans S. Z. An Examination of Sibling Impact on Frequency and Type of Arrest Among Chronic Offenders, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2018, Vol. 19, No. 1, pp. 27–45.

* Принадлежит нежелательной организации в РФ / Belongs to an undesirable organization in the Russian Federation.

Дата поступления / Received 16.01.2019

Дата принятия в печать / Accepted 01.03.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2019

© Абдерхальден Ф. П., Эванс С. З., 2019. Впервые опубликовано на русском языке
в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>) 25.03.2019

© Abderhalden F. P., Evans S. Z., 2019